

Она выкашливала кровь крупными сгустками, слова прерывались хрипом, и снова, и снова она лишь повторяла одно: «Считай, что я совсем умерла, Асюэ, умоляю, забудь меня, забудь меня, забудь меня...»

Цзян Чжунсюэ прижала её голову к своему плечу, крепко обняла и тихо ответила: «Хорошо».

Пока рука женщины не обмякла и не упала на ложе.

Резкий, густой запах крови наполнил всю комнату.

Сиши смотрела на умершую Цинь Чаншэн, не в силах оторвать глаз. С невозмутимым лицом Цзян Чжунсюэ вытащила из её груди холодную стрелу, сломала её пальцами, отбросила в сторону, поднялась и, взяв тело на руки, шаг за шагом вышла из комнаты.

Белые занавески колыхнулись, словно туманная дымка. Цзян Чаншэн, крепко обняв уже безжизненную Цинь Чаншэн, растворилась за этой дымкой, в ночной темноте.

Как дерево, долго томившееся от засухи, вдруг орошённое живительным весенним дождём.

Долгая засуха, и наконец — долгожданный ливень.

С губ Цинь Чаншэн скатилась последняя капля воды, смягчая сухую, побелевшую кожу. Отсохшие кусочки кожи на губах размокли, стали мягкими и вновь покорно прилипли к ней.

С трудом она открыла глаза.

Перед ней светало, и на небосводе высоко висела утренняя звезда, предвестница рассвета.

В заброшенной деревне по-прежнему висели красные фонари. Она лежала, прислонившись к стволу шелковицы, а вокруг теснилось несколько вытянутых, уродливых теней. Они смотрели на неё со смесью страха и любопытства, а когда она открыла глаза, испуганно отпрянули назад. Несколько человек с искажёнными лицами переглянулись, не зная, что делать.

Цинь Чаншэн сладно стонанула, сделала вдох. Сознание было ещё затуманено, но силы понемногу возвращались, и мир вокруг уже не казался таким серым и размытым.

Она открыла глаза и, преодолевая слабость, огляделась. Увидев этих перешёптывающихся призраков, она внутренне вздрогнула, но внешне сохранила спокойствие, не двигаясь с места.

Женщина с выпуклым лбом и одним глазом держала в руках нечто вроде бамбукового ковшика, на котором ещё блестела не успевшая стечь капля воды. Увидев, что Цинь Чаншэн очнулась, призраки заметно перепугались, отшатнулись и принялись робко её разглядывать.

Цинь Чаншэн провела рукой по лицу. Чувство голода в животе уже не было таким острым, хотя она не была уверена — может, её просто до того изголодали, что она онемела.

Но то, что она смогла попить, уже было хорошо. Не сделай она этого — наверняка бы отправилась к праотцам.

Уже день, что ли?

Почувствовав на лице что-то инородное, она провела рукой и стряхнула маленькую сероватую крупинку, похожую на рисовое зёрнышко или просо. Что именно это было, она не знала.

Неужели эти призраки спасли её?

Цинь Чаншэн с беспокойством посмотрела на них.

У этих призрачных фигур были те или иные увечья: у кого-то не хватало руки, у кого-то был только один глаз, лица были обезображены. Но во всех взглядах, устремлённых на неё, читался страх.

Не знай она, что это царство мёртвых, она бы решила, что видит потомков изолированного племени уродливых карликов.

Да и обычные уродства на такое не были похожи.

«Наверное, из-за близкородственных связей на этой гряде их врождённые пороки только усугубились, — с грустью подумала про себя Цинь Чаншэн. — И так, поколение за поколением, рождались всё более уродливые дети, пока в конце концов нормальные люди вовсе не перевелись».

Но даже если это целая деревня, как могло случиться, чтобы все они умерли одновременно?

Да ещё так тихо и незаметно?

Призраки, даже не ведающие, что уже мертвы, продолжали здесь жить, повторяя изо дня в день свою прежнюю жизнь.

Только больше не было ни рождения, ни старения, ни болезни, ни смерти.

На этой оси времени бесчисленное количество раз всходило солнце и опускалась ночь, но умершие так и не обретали покоя, вынужденные влачить существование в пустоте вечного царства мёртвых.

Это был мир, отвергнутый самой смертью.

Несколько уродцев, одетых в грубую домотканую одежду, с опаской и любопытством окружили Цинь Чаншэн, перешёптываясь между собой. В руках они держали деревянные коробочки с едой, свёрнутые листья с водой, а за спиной одной из женщин прятался ребёнок без ушей — он смотрел на неё испуганно-наивными глазами, сжимая в руке лист кровоостанавливающей крапивы.

Цинь Чаншэн взглянула на свои открытые раны — они были смазаны липким зелёным соком. Она уже пришла в себя, но в такой ситуации всё равно чувствовала себя не в своей тарелке.

Деревенские жители перешёптывались, словно о чём-то совещаясь. Их речь ничем не отличалась от тех звуков, что она слышала ночью, — такое же невнятное бульканье.

Язык призраков.

Цинь Чаншэн не решалась заговорить первой, но и иного способа общения с этими призраками у неё не было. Она могла превращать свои слова в их речь, но понять их сама была не в состоянии.

Эта способность была похожа на односторонний переводчик.

Цинь Чаншэн чувствовала себя беспомощной. Жители ещё какое-то время с опаской

поглядывали на неё, а затем снова сбились в кучку, оживлённо перебирая горловыми звуками.

Цинь Чаншэн сидела под шелковицей, прислонившись к стволу. Силы, покинувшие её тело, после нескольких глотков воды начали понемногу возвращаться. Увидев в руках уродцев деревянные коробки с едой, она почувствовала, как в животе заурчало от голода. Решив, что проще всего притвориться глухой, она набралась наглости и произнесла: «Спасибо, что спасли меня. Можно мне немного поесть?»

Её слова превратились в странное горловое бульканье.

Люди вздрогнули от неожиданности. Женщина с одним глазом с недоверием посмотрела на неё, затем повернулась к остальным и что-то забормотала.

Увидев их реакцию, Цинь Чаншэн тоже забеспокоилась. Она только сейчас сообразила, что говорила на современном китайском, и было неизвестно, поймут ли её эти люди, если судить по их манере речи и произношению.

Но отступить было уже некуда — приходилось идти до конца.

После оживлённого и осторожного обсуждения женщина взяла у одного из мужчин деревянную коробку, осторожно поставила её у ног Цинь Чаншэн и, что-то булькая, стала что-то объяснять жестами.

Цинь Чаншэн, глядя на её бормотание, почувствовала, как у неё начинает пухнуть голова. Она инстинктивно подняла руку, изобразила, что не слышит, и замотала головой, разводя руками.

В конце концов, здесь все были уродцами и калеками, так что появление ещё одной глухой вряд ли кого-то удивит.

Женщина, казалось, с облегчением вздохнула, и на её одноглазое лицо появилась улыбка. Она повернулась к остальным, что-то быстро проговорила, указала на свои уши, снова покачала головой и помахала руками.

Цинь Чаншэн взяла коробку, уселась на землю, прислонившись к дереву, и поспешно открыла её. Внутри была каша из проса светло-жёлтого цвета, присыпанная сверху маринованным луком-батуном.

Цинь Чаншэн попробовала пару ложек. Соли не было, но в остальном есть можно было.

Она принялась жадно уплетать еду, не задумываясь о том, почему может есть пищу из царства мёртвых. Её единственной мыслью было побыстрее восстановить силы и найти способ выбраться отсюда.

Женщина, видя, как она ест, и её многочисленные раны, прониклась состраданием. С жалостью поглядев на неё, она осторожно протянула ей воду и улыбнулась.

Цинь Чаншэн на мгновение замешкалась, но всё же приняла сосуд и сделала несколько глотков.

Был день, и эти ночные демоны и духи, казалось, забыли, что они уже мертвы, и жили как обычные люди.

Цинь Чаншэн вдруг почувствовала к ним жалость.

Она быстро доела свою порцию, поперхнулась, кашлянула и снова запила водой.

Женщина улыбалась ей, и хотя её лицо с одним глазом выглядело жутковато и странно, Цинь Чаншэн, подавив внутренний дискомфорт, кивнула в ответ и тоже улыбнулась.

Поев досыта, она почувствовала, как по телу разливается тепло, и силы вернулись. Она поставила миску и, осторожно жестикулируя, спросила: «Вы не знаете, как отсюда выбраться?»

После этих слов все замерли.

<http://bllate.org/book/16269/1464392>